

Николай Чергинец: «Я не боялся крутых перемен...»

Окончание. Начало в № 10 за 2012 год

– Николай Иванович, как повлияла на Вас, не просто полковника милиции, а человека творческого, писателя, война в Афганистане, оставившая такой большой след в истории страны? Признаюсь, что для меня, тогда советского подростка, Николай Чергинец-писатель открылся с «Тайны черных гор», посвященной именно Афгану. Ведь это была одна из первых книг на эту тему.

– Не первая. Был еще роман Александра Проханова «Дерево в центре Кабула», который вышел в 1982 году. А «Тайна черных гор» – это моя боль. В Главлите СССР ее сократили на две трети. Я отдал рукописный вариант Владимиру Севруку, сотруднику ЦК КПСС, который в тот момент находился в Кабуле. Он приехал в Москву и отдал ее в Главлит, как тогда было положено. А директор «Мастацкай літаратуры» М. Дубенецкий ждал эту рукопись в Минске. В Главлите вырезали почти все, что касалось Советской армии, оставив какие-то совсем незначительные фрагменты, и этот искореженный текст отправили Дубенецкому.

НАШЕ ДОСЬЕ

ЧЕРГИНЕЦ Николай Иванович.

Родился в 1937 году в Минске. В 1967 году окончил БГУ. С 1964 года работал в органах внутренних дел. В 1981–1984 годах – начальник Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Республики Беларусь. С 1984 по 1987 год исполнял интернациональный долг в Афганистане. В 1987–1993 годах – начальник управления внутренних дел на транспорте Республики Беларусь. С 1993 по 1997 год – председатель Комитета по социальной защите военнослужащих, ветеранов войны и увековечению памяти погибших при Совете Министров Республики Беларусь. В 1997–2008 годах – председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности. С 1998 по 2008 год – председатель Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по внешней политике. С 2002 года – председатель Беллитфонда. С 2005 года – председатель Союза писателей Беларуси. Сопредседатель Союза писателей Союзного государства. Генерал-лейтенант внутренней службы (1993). Кандидат юридических наук (1977).

А в моей рукописи подымались многие проблемы, о которых тогда и говорить вслух не принято было, не то что книги писать. В том числе о поведении некоторых советских военных, специалистов в Афганистане. Ведь пороли много обидной чепухи! Сыпались буквально на мелочах: не знали местных традиций, какой народ там живет, что такое ислам. Приведу такой пример. Меня приглашал к себе мой «подсветный» генерал-лейтенант царандоя Сайфулла. И я прекрасно понимал, чего это ему стоило – пригласить в дом «неверного», немусульманина. Но и от меня требовалось проявить много такта и уважения к местным традициям. Он представляет свою жену, а она пожимает мне руку через одежду. Это нужно было понимать. А некоторые наши не учитывали специфику. Скажем, сидим на мужской половине, а советские «спецы» начинают поддевать хозяина: дескать, позови сюда свою жену или дочь, пусть посидят с нами. А это прямое оскорбление дома и лично хозяина.

Были и более тяжелые инциденты. Однажды во время похода нашего подразделения и царандоя к югу от Кабула я услышал отрывочные выстрелы позади колонны. Один, потом второй, снова. Оглядываюсь – в поле работают крестьяне. Запрашиваю у своих: «Кто балует?» Отвечают, что все нормально. Потом остановились. Подошли старики-афганцы ко мне как к начальнику, жалуются, что постреляли шестерых их односельчан прямо в поле. Оказывается, молодой старший лейтенант, находясь в стрессовом состоянии, отдал приказ снайперу вести огонь по этим крестьянам. И так положили людей ни за что...

– Даже в мирное время в войсках случаются преступления. Что уж говорить о войне, когда человек находится в абсолютно ненормальных условиях.

– Такие поступки негативно сказывались на отношении местного населения к нам, и я считаю, что их нельзя прощать. Хотя и мне приходилось порой урегулировать подобные происшествия. Бывало, подъезжают наши

молодцы на БМП, тросом цепляют дверь духана, вырывают ее и очищают магазин. Правда, не хочу, чтобы думали, будто подобные явления были очень распространены. Но каждый такой негативный эпизод больно врезался в память.

Иногда утро у меня начиналось с того, что приезжал генерал Б. Громов, представитель Генштаба в 40-й армии, и просил выручить очередного бойца, который начудил где-то. Я брал Громова или другого представителя советского командования, афганца-царандоевца, и мы ехали на место происшествия. А там уже народ шумит, волнуется. Начинались долгие уговоры, беседы со старейшинами, извинения. Обычно давали выкуп – мешок, а то и не один, риса или муки, канистру или бочку керосина и т.д. И в большинстве случаев удавалось договориться. Афганцы понимали, что мы пришли не убивать и грабить, а с добром, а эти печальные случаи – исключение.

Случались и трагедии из-за незнания местных обычаев. Помню, несколько советских преподавателей приехало в Кабульский политехнический институт. Подружились там с местным охранником-царандоевцем, часто угощали его конфетами, чаем. Но в Рамазан они по простоте предложили ему сигареты. А там уразу (пост) соблюдали практически все. Этот парень воспринял угощение в священный месяц как оскорбление и этих преподавателей тут же в спину расстрелял из автомата.

– Уверен, за прошедшие годы Вы неоднократно переосмысливали пережитое в Афганистане. Как расцениваете итог, с которым наши войска были выведены оттуда? Это было поражение?

– Для того чтобы добиться тех целей, которые ставились перед вводом войск, и обеспечить полный контроль над страной, нужно было ввести едва ли не миллионную группировку! А как иначе? Ведь для полного успеха требовалось закрыть всю границу с Пакистаном (3180 км), Ираном (800 км) и Китаем (120 км). Мы контролировали (до-

статочно уверенно, прочно) только основные опорные пункты, а между ними были тысячи горных тропок, по которым шло оружие, боевики, ведь Афганистан – высокогорная страна. И в результате мы ушли оттуда без победы, но и без поражения. Наша армия великолепно себя показала, проявила лучшие боевые качества – это признают все

специалисты. Думаю, что американцев не будут так провожать, как нас, когда мы уходили из этой страны. Многие афганцы до сих пор с теплотой вспоминают советских людей...

Признаться, про Афганистан могу говорить много. Те три года, что провел там, – целая жизнь. День шел за три, а то и больше. Тоже вроде бы не мое дело было, незнакомое. Сам-то я милиционер, опер, не военный. Если начать рассказывать!.. И в окружение попадал, и помощь приходилось на вертушках вызывать. Чего только не было! Настоящая война, бои. Помню, вызывал один раз подмогу, по радию передаю местоположение: кишлак, за кладбищем, а оттуда слышу: «Координаты давай!» А я еще не умел определять по карте координаты. Ничего! Быстро научился. Меня

сейчас ночью разбуди, смогу по карте точно определить координаты.

– Кстати, а как попали на ту войну? Если не ошибаюсь, перед ответственной и опасной командировкой Вы занимали должность начальника уголовного розыска МВД БССР?

– Верно. Меня вызвали как-то на совещание в Москву. Я съездил, там со мной переговорили, утвердили кандидатуру. Говорят, чтобы обождал, меня вызовут. Я уехал в Минск и жду. Время идет – ничего не происходит. Оказывается, вмешался наш ЦК партии, который категорически протестовал против моей командировки в Афганистан, поскольку я был нужен здесь, в республике. И это все за моей спиной. А меня же гордость распирает, что отправляют в Афганистан. Такое доверие партии и родного государства! Ни про высокие зарплаты, ни про награды даже не думал. Нужно было защищать честь страны.

Н. Чергинец и П. Грачев. Афганистан, 1986 год

А тогда уже гремели скандальные «мозырское» и «витебское» дела, когда под давлением недобросовестных сотрудников прокуратуры да и кое-кого из милиции невинные люди оговаривали себя. Время было тяжелое. Из-за нескольких негодяев трясло всю правоохранительную систему. Эти все дела начались до того, как я стал начальником уголовного розыска. К тому моменту в Мозыре уже было незаконно осуждено пять человек. Я тут же обратился в ЦК КПБ письменно, настоятельно требуя освободить невинных. Затем мы действительно нашли настоящих убийц, изъяли пистолет. А поначалу была страшная фальсификация. И я в первое время не получил поддержки в нашем ЦК. Но авторитет у меня уже был высокий и в МВД СССР. Меня знал и всесильный тогда Юрий Чурбанов – первый заместитель министра внутренних дел СССР, зять Брежнева. Да и сам министр Николай Щелоков был хорошего мнения о моей работе. Меня приглашали на работу в Москву, но я отказывался. Это позволяло мне выйти в столице на достаточно высокий уровень. И я обратился к заместителю министра внутренних дел СССР Петру Олейнику. Суровый был мужик! Но у нас с ним сложились хорошие, уважительные отношения. Впервые мы встретились на всесоюзном совещании по линии МВД в Курске. Олейник там чихвостил всех! Выждет минуту-полторы, и как начнет! Мол, докладчик и говорит не то, и дело не так обстоит. Доходит очередь до меня. А я уже тогда привык говорить не по бумажке, а от себя, как есть на самом деле. Выступаю, минута проходит, другая. И вдруг слышу генеральский рык, но обращенный не ко мне, а в зал: «А почему вы не записываете? Откройте блокноты и помечайте, как нужно работать! Для вас же человек говорит!» И все, конечно, застрочили. А в моем докладе ничего такого особенного не было, просто содержался конкретный анализ совершенных преступлений и мер, предпринятых для их раскрытия. Скажем, тогда большой проблемой были угоны автотранспорта с неохраняемых стоянок. Мы выставили дружинников по стоянкам, а я сам пошел с оперативной группой в засаду на ту, которую оставили неохраняемой. Расчет оказался верным – преступники пришли именно туда и попали к нам в руки. Раскрыли более ста преступлений. Так же действовали и по квартирным кражам: анализ, агентурная работа, оперативные действия.

Так вот. Я обратился к Олейнику: «Петр Александрович! Беда у нас. По Витебску идут убийства, люди сидят, а они невинны. Преступления продолжаются. Нужно вмешаться». Единственный вариант был встретиться с генеральным прокурором Советского Союза. Тогда эту должность занимал Александр Михайлович Рекунов. Меня вызывают на коллегию Генеральной прокуратуры СССР. Со

Полковники П. Грачев и Н. Чергинец (в центре) в горах к югу от Кабула в ходе совместной операции Советской армии и царандоя. 1986 год

мною поехали Олейник и первый заместитель начальника уголовного розыска МВД СССР. И вот втроем мы отправились в черной «Татре» в прокуратуру. Первым пошел Петр Александрович. Его не было где-то с час. Заходят члены коллегии. Пригласили нас, дали слово. И я стал распекать прокуратуру по «мозырскому» делу. Еще бы, наделали дел, а во всем виноватой сделали милицию! Я говорю: «Скажите, мы задержали подозреваемых. Проверили в течение трех суток, установили алиби и освободили. Ваши прокурорские приехали через два месяца, взяли и арестовали тех же людей, хотя было понятно, что их не было на месте преступления. А обвиняете милицию в том, что их пытали, оказывали давление. Но это стало возможным только потому, что невинных людей изолировали. А кто дал на это санкцию? Прокуратура!» Мог ли мозырский опер или участковый, на которых вешали всех собак, пытать подследственных, если их перевели сразу в гомельскую тюрьму, а потом в СИЗО КГБ в Минске? Получается, что и гомельские сыскари, которых тоже делали крайними, не могли давить на подследственных. Так за что же этих «ментов» самих посадили? Я выступил жестко. Подал докладную, пред-

ложил немедленно освободить невиновных, создать оперативно-следственную группу и заниматься «витебским делом» – еще более страшным, чем «мозырское».

Прислушались к моим предложениям, создали следственно-оперативную группу. Правда, к тому времени я уже был в Афганистане. Ответственная должность – старший советник по линии МВД. Но это называется так красиво, по-штабному, а на самом деле приходилось нести всю ответственность за оборону Кабула. Я четко организовал работу, в моих руках была вся агентура, поэтому оказалось, что именно я, «эмвэдэшник», стал координатором всех мероприятий по обороне афганской столицы.

– Николай Иванович, не секрет, что для многих и у нас в стране, и за рубежом Вы – знаковая фигура в команде Александра Лукашенко, неоднократно становились доверенным лицом Президента на выборах. Но ведь в команду Лукашенко Вы пришли не сразу. Во время первой президентской избирательной кампании 1994 года работали в правительстве Вячеслава Кебича на должности председателя комитета по социальной защите военнослужащих, ветеранов войны и увековечения памяти погибших. Что же Вас привлекло в фигуре тогда молодого политика, только пришедшего во власть?

– Это случай, когда уместно сказать: вопрос, конечно, интересный. Однозначно, побудительными мотивами послужили не карьерные расчеты. В Советском Союзе я чувствовал себя вполне комфортно. У меня был уже авторитет, я прошел Афганистан, состоялся как автор популярных книг и публицист. СССР был той страной, которую я любил и люблю до сих пор, развал ее переживал очень болезненно. Но нужно было строить новую страну – нашу Беларусь.

Правительство тогда возглавлял Вячеслав Кебич. С ним у меня сложились добрые товарищеские, даже дружеские отношения. Он всегда прислушивался к моему мнению. Но когда стал премьер-министром, стал больше прислушиваться к своему ближайшему окружению и допускать ошибки. Хочу привести такой случай, очень, на мой взгляд, показательный, который поможет ответить на заданный вопрос.

Сразу после первого тура выборов 1994 года Вячеслав Францевич созвал закрытое, можно сказать секретное, заседание правительства. Тогда Лукашенко занял первое место. И главный вопрос на заседании стоял так: что делать? А к тому времени я уже видел обстановку, прекрасно понимал – выборы для команды Кебича проиграны. В тот период мне приходилось часто ездить в Польшу,

Н. Чергинец с народным писателем Беларуси Василем Быковым (второй справа) на Минском железнодорожном вокзале во время его проводов в Афганистан после 3-дневного отпуска. 1985 год

как говорится, выбивать кое-какие поставки для Беларуси, осуществлять бартер и т.д. А Кебич разослал по всем регионам своих представителей для организации избирательной кампании. И в Бресте мне с возмущением рассказали, что такой представитель в области сидит на даче председателя облисполкома и пьет за победу своего шефа. По возвращении в Минск я честно сказал об этом Вячеславу Францевичу и высказал мнение, что с такой организацией выборы не выиграть. И я в сердцах не дал ни одного человека в штаб Кебича, показывая тем самым бесполезность такой работы.

Вот поэтому на заседании правительства я мог говорить уверенно и с чистым сердцем. Встал и предложил Кебичу подать в отставку. Тут же начался гул, возмущенные голоса, но я продолжил. Не было уже никаких сомнений в том, что победит Лукашенко. Но отставка премьер-министра решала важную политическую задачу. Сделав этот сильный ход, Кебич показал бы, что здраво оценивает ситуацию и признает победу своего молодого соперника. А Лукашенко в таком случае Кебич понадобился бы как опытный управленец, который действительно здорово знал все нити управления белорусской экономикой.

И жизнь потом подтвердила правоту моих слов. Многие люди из команды Кебича – Мясникович, Заметалин, Линг и другие – оказались востребованы в команде Президента.

Я предложил подать в отставку не только премьеру, но и всему правительству. Тогда меня поддержал только начальник Главного штаба Вооруженных сил Николай Чуркин.

Такова была моя позиция, хотя я совершенно не знал Лукашенко, но видел обстановку и настроения людей.

Затем, уже после второго тура и триумфальной победы Александра Лукашенко, ко мне домой на улицу Червякова приехали Геннадий Карпенко и Семен Шарецкий, вызвали на разговор. Мы прогуливались по двору. К тому моменту я уже написал рапорт об отставке. Это было расценено как мой протест против новой власти. И Карпенко стал меня агитировать создавать команду против Лукашенко. Геннадий не был врагом Президента, он просто искал свою нишу. Я им откровенно сказал, что не вижу абсолютно никакой перспективы в подобных действиях, а только вред стране.

Почему я подал в отставку? Начали сокращать мой комитет, который занимался конкретной помощью военнослужащим и их семьям. Ведь еще Станислав Шушкевич бросил призыв, чтобы все офицеры-белорусы возвращались на родину. А в Беларуси и так были десятки тысяч офицеров. Всех нужно было устроить, всем помочь. Тогда наш комитет принял основной удар. И комитет был еще нужен.

Я написал четыре докладных с просьбой отправить меня в отставку: две Президенту, две премьер-министру М. Чигирию. Наконец пришел документ с резолюцией главы государства: согласиться с отставкой, зачислить меня в распоряжение министра внутренних дел с правом ношения формы.

Уже после отставки по поручению правительства ко мне приезжала Ольга Даргель, министр социальной защиты. Она предложила мне на выбор должность или министра соцзащиты, или первого заместителя министра. Я отказался, поскольку просто не видел себя в этом деле.

Я никогда не стремился в команду Президента, но и не выступал против него, а просто наблюдал за ситуацией. Что я увидел? Пришел к власти молодой симпатичный мужик, крепкий, здоровый, улыбчивый,

пользуется любовью народа – настоящий лидер. Это мне импонировало.

Тогда в отставке я много писал, очень плодотворный был период.

Но я понял, что только писательство меня не удовлетворяет. Я не уходил от общественной деятельности. Ко мне часто обращались «афганцы». Приходилось садиться на свою «Ниву», ездить по исполкомам, прочим инстанциям и решать вопросы. И как-то жена

Н. Чергинiec у себя дома с Анной Тимофеевной Гагариной, матерью первого космонавта. 1983 год

мне говорит: «Слушай, Коля, ты на бензин уже всю свою пенсию растратил. А нам же еще на что-то жить надо». И я задумался о работе. Как раз тогда управляющий делами Президента Иван Титенков позвонил мне домой и предложил работать в Управлении делами в качестве своего помощника. Я подумал и согласился. А работы было много! Сувлечением осваивал новое дело. В это время шла подготовка к референдуму по внесению изменений в Конституцию. Людям необходимо было разъяснить, для чего и зачем это делается. Я брал каждую статью, писал в один столбец, как она выглядела в первоначальной редакции, во второй – как будет выглядеть, в третий – почему необходимы эти изменения. Когда эти разъяснения пошли по областям, то это имело большой резонанс и было востребовано людьми. Именно в тот момент, сложный, решающий для страны, Президент и обратил на меня внимание. Кроме того, я знаю, что очень положительно меня характеризовал и Павел Грачев, бывший в то время министром обороны России. Мы же были друг другу как братья, боевые товарищи по Афганистану, где пришлось хлебнуть лиха, но и общих приятных вос-

поминаний было немало. Кстати, с Павлом Сергеевичем я поддерживал дружеские связи вплоть до его безвременной кончины.

Так я попал в команду Александра Лукашенко. Хотя не скрою, были люди, которые говорили Президенту в то время, что я нахожусь чуть ли не в оппозиции. Но жизнь все расставила по своим местам. Мы с Лукашенко поверили друг другу. И я этим доверием очень дорожу.

– Ваша жизнь была наполнена встречами с разными и очень интересными людьми, причем из самых различных сфер: писательской, творческой, политической, военной и других. У Вас огромное количество друзей, почитателей. И это не пустые слова. Мне самому не раз приходилось видеть, как искренне и по-доброму относятся к Вам люди. Кто оказал на Вас наибольшее влияние как на личность, на человека?

– Конечно, можно ответить, что родители, моя семья, окружение. Но это очевидно, лежит на поверхности. Я бы сформулировал ответ более широко, упомянув здесь не только тех, с кем встречался лично, но и тех, кого знаю по книгам.

Может быть, покажется необычным, но большое влияние на меня оказал Дейл Карнеги, точнее, его умение психологически выстраивать отношения с людьми. Из-за него я даже чуть не пострадал однажды. Еще будучи первым заместителем начальника УВД Минска, я выступал на партсобрании перед личным составом. И сослался на Карнеги, как надо учиться работать с людьми. Меня публично похвалили за доклад, а затем вызвали в обком партии и стали распекать за то, что привожу в качестве примера буржуазного ученого. Но я не растерялся, а сказал, что вынесу этот вопрос на обсуждение в «Правде», в которой уже регулярно печатался. Это произвело впечатление, и никаких вопросов больше не возникало.

Второй – Сталин. Не потому, что он был жесткий правитель. А потому что в сложнейших ситуациях он находил разумные решения, выход. Мне импонирует его взвешенность во многих вопросах. А самое главное – его имя стало символом Победы. Для людей моего поколения это свято. И потом посмотрите, как он относился к писателям. С величайшим вниманием и почтением.

Безусловно, назову Брегмана Владимира Григорьевича, одного из первых моих футбольных тренеров. Он был наставником по жизни. Умел найти подход к нам, пацанам. Великолепно мог разобрать спортивную ситуацию и после победы в матче, и после поражения. Сглаживал все конфликты в коллективе.

Долгие годы дружбы связывали меня с Василем Быковым. Мы с ним очень плот-

Встреча на Солигорской земле делегации ОО «Союз писателей Беларуси». 2011 год

но общались. И он действительно обладал огромным обаянием личности. Об этом даже как-то в школьном сочинении написала моя дочь. У меня в доме бывало много людей творческих. Они ведь были великолепными рассказчиками. Беседы были потрясающие, поучительные. А Василь Владимирович, как правило, поначалу сидел молча. Но когда он брал слово, как еще ребенком подметила моя дочь, то хотелось брать ручку и записывать за ним, потому что это были практически готовые литературные произведения.

Огромное впечатление на меня произвел Иван Григорьевич Новиков, собственный корреспондент «Правды» в Беларуси. Ведь это он первым раскопал всю историю, связанную с минским подпольем, предал ее гласности, написав книги «Руины стреляют в упор», «Дороги скрестились в Минске» и др. Вот уж действительно пример, когда писательское слово имеет большое общественное значение. Но дело даже не в этом. Иван Григорьевич был человеком потрясающей скромности и честности, настоящим интеллигентом. Глубокий, умный, спокойный. А главное – убежденный. Это большая редкость и ценность.

Я могу перечислять еще и еще. Но вот эти пять фигур я бы поставил на первое место.

– **Николай Иванович, а сейчас вопрос, что называется, неубиленный. Но раз у нас завязался такой откровенный разговор, то не могу его не задать. Как и у любой крупной личности, у Вас есть завистники, даже клеветники. Думаю, и Вам приходилось слышать: дескать, Чергинец пишет не сам, на него работает целый цех «литературных негров». Мол, как ему за всей его занятостью успеть написать столько книг, да еще и бестселлеров.**

– Я слышал такие слова. Скажу так – это просто хохма. Приведу небольшой, но показательный пример. Однажды у меня дома сидели В. Быков, И. Шамякин, Н. Матуковский и А. Макаенок. Как раз вышла моя новая книга. И надо же, тогда в комитет народного контроля пришла очередная анонимка, будто бы я заставляю писать книги тех, кого поймали и посадили в КПЗ. Рассказываю об этом моим друзьям-писателям: ну они все видели мои рукописи, я их давал всегда предварительно кому-то почитать. Макаенок даже жаловался: «Коля! Ты мне опять обеспечил две бессонные ночи, когда я ездил в Москву. В поезде туда и обратно читал твой очередной детектив. Не мог оторваться». И вот моя маленькая дочка услышала весь этот разговор. Детское сердечко возмутилось. Она пришла в комнату, где мы сидели, и принесла две авоськи, наполненные моими блокнотами с черновиками будущих книг. Действительно, я еще со времен, когда был опером, завел привычку писать в блокнотах. И до сих пор не могу от нее избавиться. Кстати, если кому-то интересно, то сумка с этими рукописями хранится у меня до сих пор. Литературный негр Николая Чергинца – это сам Николай Чергинец.

– **Мне сказали по секрету, что и сейчас Вы что-то пишете в свой очередной блокнот... Чем порадуете читателей?**

– Надо же – сдали! Ну, раз так, отпираться не буду – в работе новый роман... Ты вот у меня спрашивал, как на меня повлияла война в Афганистане. А я ведь еще мальчишкой видел войну – Великую Отечественную, пережил страшные годы оккупации. По-моему, человек, который пережил

войну, даже глядя на нее детскими глазами, запомнит ее на всю оставшуюся жизнь.

Помню, у парка Челюскинцев, там, где сейчас магазин «Тысяча мелочей», стояли две воинские части – чехов и словаков. К чехам нельзя было подойти попросить еды – били, гнались. Также и к финнам, и к венграм. А вот словаки были добрые. Бы-

Во время вручения Н. Чергинцу президентами Беларуси и России Почетной грамоты за большой вклад в развитие белорусско-российских отношений. 2009 год, декабрь

вает, ты стоишь возле проволоки, а словак идет по своей территории с котелком. И он, якобы некуда вывернуть, выливал еду под проволоку, и мы хватали картошку и остатки пищи. Однажды мы, я и мой друг Вовка, попросили у немца конфетку. А он выхватил парабеллум и давай в нас стрелять. Мы стали убежать, я успел во двор заскочить, а Вовку он застрелил. До сих пор помню, как его кровь разливалась по тротуарной доске.

И став писателем, я не мог не обращаться к теме той войны. Это нашло отражение в романах «Вам задание» и «За секунду до выстрела». В этих книгах многое из того, что я видел: и повешения в центре Минска, и страшное гетто, и все ужасы нашей жизни.

Меня всколыхнул материал, с которым познакомил Владимир Грозов, директор Издательства Белорусского экзархата. Под Минском есть деревня Семково. Там раньше был уникальный архитектурный ансамбль: этот дворец называли «вторым Версалем». В 1902 году туда приезжал Янка Купала работать на броваре. Потом он вспоминал, что работал как в аду. В 1922 году там отдыхал Якуб Колас с семьей. Есть фотография, где он с детьми сидит на крыльце. А перед войной там был детский интернат. Когда

напали немцы, наши войска отступили, а дети остались. Немцы сделали из этого интерната донорский центр. Детей завозили туда сотнями, отбирали кровь до последней капли. Таким образом гитлеровцы спасали своих солдат – детской кровью. И этот сюжет переплелся с тем, что я знал раньше о судьбе еврейских детей в гетто. Там ведь ужас творился! Убивали всех без разбору. Поэтому евреи договаривались с соседями и делали общий схрон на несколько семей. Но там надо было сидеть без писка, без шума, иначе смерть. Были случаи, когда матери душили своих детей. Кошмарная трагедия! И вот это и составило сюжет новой книги.

В книге будет не только трагедия, но и подвиг, самопожертвование людей ради спасения других. Была такая бригада «Штурмовая». Они получили информацию в феврале 1944 года, что из Берлина пришел приказ Гимmlера, со ссылкой на фюрера, уничтожить всех детей, сжигая их в Тростенце, а донорский центр ликвидировать, чтобы мировая общественность не получила информацию о зверствах нацизма. Ведь в Беларусь тогда уже вступила Красная армия. И вот партизаны этой бригады спланировали операцию, заблокировав все дороги в Семково со стороны Минска, Заславля,

Радошкович, Острошицкого Городка, Логойска. Потом атаковали, взяли Семково и на 77 санях вывезли всех детей. А чтобы обеспечить маскировку с воздуха, они использовали всю парашютную ткань, какая у них была. Детей расселили в Логойском районе, и они выжили. После войны они встречались в Семково, но постепенно время все стерло, даже мемориальную доску там потеряли.

Естественно, я нашел героев, свои сюжетные линии. Кстати, в этот жуткий донорский центр брали детей от 6 до 12 лет. В этом романе будет и дружба, и самопожертвование, и огромная человеческая трагедия – все то, что переплеталось во время войны. Там поднимается и тема полицаев. А среди них были разные люди: кто-то был подпольщиком, посланным для выполнения задания, кто-то сам понял бесчеловечность того порядка, которому он служил, и раскаялся. Но были, безусловно, и негодяи.

– **А как назовете?**

– Все тебе расскажи! Сначала я придумал название «Интернат», а теперь рабочее – «Кровь». Надо о судьбе нашего народа, той трагедии, которую мы пережили в годы войны, рассказывать миру. Пусть мир не забывает...

Беседовал Вадим ГИГИН ─

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Редакция принимает рукописи в двух экземплярах (не ксерокопия), напечатанные шрифтом Times New Roman, 14-й кегль, межстрочный интервал – полуторный, объем статьи – до 10 страниц.
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов), название статьи на русском и английском языках;

- резюме объемом 400–450 знаков на русском или английском языках;
 - введение (с поставленными задачами), основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
 5. Наличие электронного варианта статьи (дискета, компакт-диск, флеш-носитель).
 6. Иллюстративный материал предоставляется отдельными графическими файлами.
 7. Данные об авторе (0,5–1 страница): телефон, адрес электронной почты, место работы, должность, ученая степень, звание, сфера научных интересов.
 8. Рецензия (внешняя или внутренняя).

Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.